

Мария Склодовская-Кюри

Мария Склодовская-Кюри сломала стереотип о том, что женщине не место в науке. Ученая-экспериментатор. Член 85 мировых научных обществ, первая женщина, ставшая членом Парижской медицинской академии. Имела 20 почетных степеней и преподавала в Сорбонне. Склодовская-Кюри большую часть жизни посвятила науке. Она успешно сочетала деятельность ученой и хранительницы домашнего очага, будучи женой Пьера Кюри и матерью двух талантливых дочерей.

Мировая общественность дважды почтила Марию Склодовскую-Кюри присвоением Нобелевской премии. Альберт Эйнштейн говорил о ней как о единственном человеке, не испорченном славой. Но какие падения и удары судьбы стали стимулом, подстегнувшим Марию покорить и изменить мир науки? Что за тайны хранила эта выдающаяся женщина, которая превзошла многих мужчин?..

*Мария
Склодовская-Кюри*

ЖЕНЩИНА-МИФ

ЖЕНЩИНА-МИФ

Мария
Склядовская-Кюри
ЖЕНЩИНА-МИФ

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8505-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

К59 Коко Шанель / Сост. Д. Прокопец. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2021. — 304 с.

ISBN 978-617-12-8315-2

УДК 929

Европа накануне XX века

Прежде чем начать разговор о любой личности, даже очень и очень значимой в истории, нужно все же посмотреть на мир вокруг нее. А если нам предстоит беседа о судьбе ученого, то придется углубиться также и в историю науки — надо же представлять, каким был уровень знаний в то время, когда в науку вошел будущий большой ученый. Но начнем мы все-таки с истории Европы, пусть совсем кратко, но опишем, какой была она в конце XIX — начале XX века.

Итак... Весь XIX век Европу в той или иной степени сотрясали революции — как политические, так и промышленные. Все это изрядно меняло политическую карту и «поведение» правителей стран. К началу XX века в Европе было всего три республики: Сан-Марино, Франция и Швейцария. И две страны с абсолютной монархией — крошечная Черногория и огромная Российская империя. Остальные государства континента были монархиями — в той или иной степени ограниченными: где-то правительство формировал монарх, где-то это было задачей парламента. О рабстве речь уже не идет — во всяком случае, документально подтвержденном.

Во всей Европе еще существовал особый общественный слой — дворянство, однако его значимость куда ниже, чем была еще 50—70 лет назад. Теперь «рычаг управления» странами переходит в руки буржуазии — именно она контролирует денежные потоки, именно она распределяет производительные силы. И зачастую именно ее интересы оказываются решающими при выборе политического пути страны.

Мелкие собственники сливают производственные мощности и финансы в огромные корпорации, которые легко перешагивают как границы, так и океаны, превращаясь в монополии и транснациональные корпорации. Кстати, именно интересы стремительно развивающейся промышленности и руководят миром науки: они и диктуют направления исследований, и стремительно поглощают научные разработки, превращая их в товар и зачастую, увы, в оружие. Но к этому мы вернемся чуть позже.

На рубеже веков на политической арене все больше приверженцев социалистических взглядов — радетели за благо народное, за интересы низших классов, они все чаще становятся во главе

различных политических сил, также меняющих «лицо» стран континента. Пока что эти партии еще не в силах изменить политический строй, однако в недрах уже почти столетие идет непрерывная подрывная работа, направленная на свержение существующих общественных формаций и установление «справедливого социального строя». Волна таких революций накрывает Европу после 1905 года.

В конце XIX — начале XX века Европу сотрясали и другие войны, к счастью холодные, — шла борьба за гражданские права, за запрет детского труда. То, что для нас сейчас кажется естественным, еще полтора столетия назад завоевывалось очень и очень непросто. Рабочие добивались прав на забастовки, на организацию легального профсоюзного движения. Люди различных сословий боролись за равное избирательное право. И конечно основными в этом списке были права экономические: 8-часовой рабочий день, запрещение детского труда, страхование, отпуск по болезни, пособие по безработице. И эта борьба была очень трудной — она затрагивала экономические интересы предпринимателей.

Еще одно массовое движение на рубеже двух веков охватило Европу — это было движение женское. В чем-то оно дополняло рабочее движение: женщины требовали равной оплаты за равный труд. К слову, это требование в определенной мере до сих пор не выполнено, хотя теперь завуалировано куда сильнее — появились так называемые «женские профессии». И если вдруг, к примеру, бухгалтером становится мужчина, то он довольно быстро поднимается по карьерной лестнице, обгоняя своих коллег-дам, даже куда более компетентных.

Кроме равной оплаты за равный труд женщины требовали политического равноправия (это движение называлось суфражизмом), в первую очередь избирательного права для женщин. Радикальность суфражисток дошла до того, что среди женщин было немало настоящих террористок и диверсанток. Нередко они были движимы благородными целями, как, к примеру, Вера Засулич. Но были и те, кто это делал только для того, чтобы ни в чем мужчинам не уступить. И это, конечно, не могло не работать против них. Поэтому избирательных прав в XIX веке женщины так и не добились.

Еще одним требованием была возможность получения равного образования для мужчин и женщин. Кстати, именно из-за того, что в Российской империи этого не было, судьба нашей героини сложилась именно так, как сложилась. Но об этом чуть позже.

Чтобы закончить описывать общую (слишком общую, но все же необходимую) картину, придется несколько слов сказать и о политике. Ведь отнюдь не секрет, что именно политика всегда первый заказчик у науки — сначала, увы, оружие, потом применение разработок в мирных целях. Но, к счастью, здесь бывают и исключения — и одним из них стали разработки нашей героини.

Итак, вторая половина XIX века. Последней локальной войной можно назвать франко-прусскую, в которой Франция была побеждена. Этим немедленно воспользовалась Россия для пересмотра итога Крымской войны: Российская империя возвращает себе влияние в Сербии и Румынии, восстанавливает Черноморский флот. 1872—1873 годы: создается так называемый «Союз трех императоров» — германского, русского и австрийского. По сути это было детище Отто Бисмарка, который умелыми действиями обеспечил Германии доминирование на Европейском континенте.

Россия также опиралась на этот новый союз. Теперь сферой ее интересов была ситуация на Балканском полуострове. Начиная с 1875 года она открыто поддерживает болгар и сербов в их борьбе против турецкого господства, а в 1877-м объявляет Турции войну. Причем воюет не одна — на стороне империи воюют и другие страны: Румыния, Сербия, Черногория, повстанцы Болгарии. Финалом этой войны становится Сан-Стефанский мир, подписанный в 1878 году. Это фактически был момент окончания владычества Османской империи на Балканах. Саму же империю от развала спасло вмешательство Англии, которая отправила к Стамбулу целую эскадру.

Какими же были результаты этой войны? Теперь Австро-Венгрия претендует на территории Боснии и Герцеговины и категорически не желает усиления влияния России на Балканах. Под давлением Великобритании и императоров-союзников царь Александр II соглашается на новый европейский конгресс. Этот конгресс прошел в Берлине в 1878 году — по его итогам за Турцией оставалось немало балканских территорий, а Болгария продолжала пребывать

в вассальной зависимости от Османской империи, однако Берлинский трактат признал фактическую самостоятельность Болгарии.

Правда, и сам «Союз трех императоров» был недолговечен: после русско-турецкой войны Германия и Австро-Венгрия стали вытеснять Россию с Балкан. В 1882 году Берлин создает новый военно-политический блок — Тройственный союз, в который входят Германия, Австро-Венгрия и Италия. В 1885 году Австро-Венгрия провоцирует сербо-болгарскую войну. Дипломатический Болгарский кризис 1885—1887 годов, который последовал за этой войной, продемонстрировал падение русского влияния в Болгарии. Против России теперь действуют Германия, Австро-Венгрия, Великобритания и Турция.

Это вынуждает правительство царя Александра III сесть за стол переговоров с Францией. В 1894 году в противовес Тройственному заключается франко-русский союз. По сути появление этих противоборствующих сил и стало прологом Первой мировой войны.

Образование и наука накануне XX века

Мир XIX века был совершенно не похож на мир XX века и не соответствовал нашим представлениям о нем. Последние 150 лет коренным образом изменили все — от политики до высокой науки, от географии до быта. Какой же была наука накануне XX века?

Начнем, конечно, с образования. XIX век для Европы стал веком невероятно широкого распространения образования, что, в общем, понятно. Промышленное производство пережило несколько технических революций и теперь для управления станками и механизмами любого, даже относительно небольшого предприятия, необходимы были квалифицированные рабочие, то есть достаточно образованные люди. Поэтому государства стали все больше внимания уделять именно всеобщему обязательному образованию: во Франции закон о таком образовании приняли в 1882 году, а в Великобритании еще раньше — в 1870 году.

Всеобщее начальное образование в некоторых странах Европы, правда, стало нормой куда раньше. В Швеции, к примеру, еще в 1686 году был принят закон, который обязывал главу семьи обучать грамоте всех своих детей и даже слуг. И закон этот строго выполнялся. Более того, даже вступать в брак неграмотные молодые люди не могли — они должны были уметь читать и писать, ведь важнейшая обязанность лютеранина — это самостоятельное чтение Библии. А в 1880-х годах в Швеции был принят закон об обязательном начальном обучении, при этом ее население уже было самым грамотным в Европе.

И как результат — в конце XIX века в Западной Европе было 90 % грамотных мужчин. Следует подчеркнуть: именно *мужчин*. Для нашего рассказа это важно.

Во многих городах стали открываться университеты, но получить высшее образование могли далеко не все — это требовало и денег, и определенного социального статуса. И, конечно, в первую очередь среднее и высшее образование получали выходцы из богатых семей.

Как же в XIX веке развивалась наука?

Достаточно часто можно встретить утверждение, что XIX век был веком науки. И в основном это так: именно тогда менялись представления человека о строении материи, пространстве-времени,

о развитии животного мира на планете и, как следствие, развитию самого человека. Конечно же, это происходило вследствие многочисленных научных открытий.

Ученые в XIX веке — люди уважаемые, пользующиеся большим влиянием. Их труд ценят, некоторые смотрят на них как на магов. Правда, нельзя сказать, что труд ученого оплачивается так уж щедро. А ведь именно благодаря разработкам ученых промышленность в XIX веке развивается бурно: машинное производство, транспорт, даже культура уже не могут обойтись без использования научных открытий.

Наиболее значимые открытия — это, конечно, те, которые в дальнейшем обеспечат мир светом и теплом. Закон сохранения энергии позволил обосновать единство материального мира и неуничтожаемость энергии. Открытие явления электромагнитной индукции проложило путь к превращению электрической энергии в механическую и наоборот. Дж. Максвелл установил электромагнитную природу света.

Геометрия Евклида, учения Аристотеля и Платона наконец уступают место более широкому взгляду на мир. Евклидова геометрия дополняется геометрией Н. И. Лобачевского и Б. Римана. Разработки А. Эйнштейна заставляют взглянуть на мир совершенно иначе, хотя пока что это «чистая наука», не имеющая сиюминутного практического применения.

А вот одно из крупнейших открытий XIX века, построение Д. И. Менделеевым периодической системы элементов, дало возможность привести в систему свойства элементов и даже обосновать открытие в будущем новых химических элементов. 1895 год для многих наук стал переломным, хотя поначалу это не ощущалось, — были открыты рентгеновские лучи. И это стало предвестием настоящей волны открытий в физике и химии: открытие радиоактивности, ее применение в медицине и многих сферах жизни человека. Но об этом мы подробно будем рассказывать в нашей книге.

Луи Пастер создает науку о микробах, что положило начало успешной борьбе со многими заболеваниями, до той поры опустошавшими целые города.

Астрономы открывают планеты Уран и Нептун, блестяще соединяя вычислительные и наблюдательные способы исследования космоса.

Еще одним чрезвычайно важным открытием XIX века становится учение Дарвина об эволюции видов путем естественного отбора. Собственно, он был не первым исследователем в этой области, однако именно он собрал воедино разработки многих ученых, сформировав новый, принципиально иной взгляд на развитие жизни на планете. Конечно, в учении Дарвина места Богу не нашлось — и это, безусловно, вызывало немало нападков. И тем не менее «плотина молчания» была прорвана — жизнь развивается не по желанию некоей высшей сущности, а исключительно следуя законам природы, которые просто надо открыть.

Невероятно бурное развитие науки не могло не вызвать настоящий переворот в технике.

В конце XVIII века был изобретен паровой двигатель, который мог приводить в движение машины любых типов. Паровые установки теперь применялись во многих отраслях промышленности, сельского хозяйства, на транспорте — сухопутном, речном, морском.

Тогда же, на рубеже XVIII и XIX веков, были изобретены машины для изготовления стали в промышленных количествах: сначала, в 1784 году, Генри Корт изобретает процесс «пудлингования», это использование каменного угля для производства железа в специальных печах. В первой половине XVIII века Бенджамин Хансмен предлагает переплавлять пудлинговое железо в тигле для усреднения химического состава. Так XIX век становится «веком пара и железа».

Большое количество металла, паровые машины дают возможность широкого развития транспорта как эффективной системы перевозки грузов и пассажиров. Появляются пароходы и паровозы, строятся километры железных дорог: если в 1830 году общая длина железнодорожных путей в мире составляла 300 км, то к 1917 году она достигла 1 млн 146 тыс. км.

К концу XIX века, после изобретения двигателя внутреннего сгорания, стали появляться и новые виды транспорта: воздушный и автомобильный. Самолеты, конечно, в первую очередь используются в военных целях и только позже становятся видом транспорта.

Строятся каналы, мосты и гидротехнические сооружения: в 1869 году открыт Суэцкий канал, сокративший морской путь из Европы в страны Азии, а в 1914 году — Панамский канал, связавший Атлантический и Тихий океаны.

Наука перестала быть уделом горстки кабинетных ученых — все чаще открытия делают практики, которые тут же пускают их в дело. Ярче всего это проявлялось, конечно, в науке об электромагнетизме. 1831 год — Майкл Фарадей открывает электрическую индукцию; 1873 год — Джеймс Максвелл доказывает связь между электричеством и магнетизмом.

Развитие наук об электричестве привело к появлению и развитию электротехнической промышленности. Изобрели электрический двигатель, в 1880 году фирма «Сименс» уже изготовила первый электропоезд. Появились первые генерирующие электростанции, фабрики и заводы все шире применяли электрические двигатели. Конец века ознаменовался также появлением электрического освещения улиц, жилых и производственных помещений. Конки стали превращаться в трамваи.

1879 год — Томас Эдисон изобретает дешевую и практичную электрическую лампочку. Он же усовершенствовал телеграф и телефон, изобрел фонограф (1877 год), построил первую в мире электростанцию общественного пользования (1882 год). Электрическая энергия открывала новые горизонты перед европейскими странами. Однако, как и многие другие изобретения, ее тоже приспособили для своих нужд военные.

Вторая половина XIX века характерна также революцией в средствах связи. 1836 год — Сэмюэл Морзе изобретает принципиально новый вид связи — телеграф. И уже к концу столетия главные города мира соединены телеграфной связью. Понадобилось всего сорок лет, чтобы от кодированных сообщений перейти к передаче живого голоса: в 1876 году изобретен телефон. И на рубеже XX века появляется беспроводная связь с помощью радиоволн. Так радио становится основным источником информации для всего мира. В 1895 году братья Люмьер изобретают кинопроектор и основывают первый в мире кинотеатр для демонстрации фильмов в Париже.

Триумфальное шествие науки быстро и навсегда меняет жизнь человека: телеграф и телефон, железные дороги и пароходы, автомобили и самолеты сокращают расстояния, и внезапно мир становится маленьким и тесным. А военные тут же находят применение даже самым мирным открытиям и изобретениям.

К сожалению, об этом мы будем неоднократно упоминать в нашей книге.

Ну а теперь самое время отправиться в тихий польский городок, где появилась на свет наша героиня.

Семья. Детство

Не зря говорят, что судьба любого человека в немалой мере определяется его семьей и родителями. Познакомимся с семьей Склодовских. Отец, Владислав Склодовский, — учитель физики и субинспектор Новолипской мужской гимназии. Мать — старшая дочь шляхетской семьи Богуских.

История семьи Богуских была по-средневековому романтичной: дед Марии владел небольшим фольварком и влюбился в девушку из куда более состоятельной дворянской семьи.

Понятно, что его сватовство родители девушки решительно отклонили. Но он не намерен был отступить и... похитил любимую, а потом тайно с ней обвенчался.

Пан Владислав Склодовский тоже был родом из мелкопоместной шляхты. Его семья, покинув деревню, обосновалась в Люблине, и отец Владислава вскоре стал там директором гимназии. Дед Марии по отцовской линии был человеком разносторонне образованным — в свое время он окончил Петербургский университет. А позже и отец, пан Владислав, стал питомцем этого учебного заведения. Одним словом, все Склодовские были связаны с преподавательской и научной деятельностью, а сам пан Владислав, вернувшись в Польшу, в гимназии преподавал именно физику и математику.

Мария (ее в семье называли Маней) родилась 7 ноября 1867 года и была самой младшей из детей Склодовских. У нее были брат Юзеф и три сестры — Зофья, Елена и Бронислава. Семья жила в Варшаве на улице Фретской, 16. Сейчас здесь музей Марии Склодовской-Кюри.

Когда родилась Мария, у пани Брониславы диагностировали чахотку — неизлечимый тогда туберкулез. Сколько Маня себя помнила, мама никогда не целовала ни ее, ни остальных детей.

Пани Бронислава была очень осторожна и не хотела заразить детей и мужа. Поэтому у нее была отдельная посуда и, увы, даже обнимала любимых своих детей она очень редко.

Вот как рассказывает дочь Марии Ева о страничках детства своей матери:

«Малышке Мане пять.

— Мама сказала, чтобы ты шла к ней.

...Нежный голос в соседней комнате зовет ее, перебирая ласкательные имена:

— Маня... Манюша... моя Анчупечо...

Ни у кого не было столько уменьшительных имен, как у Марии, самой младшей, любимицы всей семьи. Обычное уменьшительное для нее — Маня, особо нежное — Манюша, а Анчупечо — юмористическое прозвище, данное ей еще в колыбели.

— Моя Анчупечо, какая ты взъерошенная, как ты покраснелась!

Две тонкие, очень бледные, очень худые руки завязывают растрепанные ленты фартучка, приглаживают короткие вьющиеся волосы, открывая упрямое личико будущей ученой. Постепенно ребенок отходит, успокаивается»¹.

Высшим блаженством для маленькой Мани были те минуты, когда ей позволяли обнять маму, прильнуть к ней и по словам, улыбкам, любящему взгляду почувствовать себя под покровом ее нежности и постоянной заботы.

Всегда бодрая, энергичная, со вкусом одетая, мужественная женщина пани Бронислава производила обманчивое впечатление вполне здорового человека. О болезни знали совсем немногие. Ужасная болезнь мамы напоминала детям о себе отрывистыми звуками сухого кашля из маминой комнаты, горестной тенью на лице отца и коротенькой фразой, которую они перед сном всегда добавляли в свои молитвы: «Господи, верни здоровье нашей маме!»

Надо сказать, что пани Бронислава была человеком замечательным. В свое время она с отличием окончила один из лучших варшавских пансионов, единственный, куда принимали девочек. Позже была там учительницей, а потом и управляющей. Спокойная, обладающая тонким вкусом и глубокими знаниями, пани Бронислава была подлинной хранительницей домашнего очага. Она обожала своих детей, читала им книги, учила музицировать и музицировала сама, водила в костел к причастию.

Родители привили всем пятерым детям любовь к родному краю, к гордой Польше, покоренной Россией, но так и не покорившейся.

Мы уже упоминали о непростом политическом положении Польши, но сейчас чуть больше заострим на этом внимание. Вернее, на том, что это «непростое» положение значило для ее жителей.

А теперь вернемся из века XIX, о котором будем рассказывать дальше, в век XVIII, в его конец. Земли Речи Посполитой (Польско-Литовского государства) поделены между Пруссией, Австрией и Россией. Эти три страны все бесцеремоннее вмешиваются во внутренние дела Польши. В 1764 году Россия вводит свои войска в Польшу. Так начался Первый раздел Польши, а всего поляки пережили целых пять разделов — в 1772, 1792, 1795, 1815-м и последний в 1939 году, когда страну, разорвав, поделили между собой Германия и СССР. Но пока мы во второй половине XIX века.

Скłodовские-младшие, как и все поляки, жившие на территориях, отошедших Российской империи, росли и учились в стране, где насильственно навязывались законы царской России. Все предметы в школе им преподавали по-русски, им запрещалось говорить по-польски, носить национальные костюмы, петь народные песни, даже невиннейшая мазурка была под запретом! Учебные заведения курировали русские инспекторы, историю страны преподносили как историю одной из провинций (воеводств) именно Российской империи. А вольнодумство, как официально называлась тогда любовь к родине, каралось смертной казнью.

Женщины в высшие учебные заведения не принимались. Слова «полиция», «царь», «ссылка», «заговор», «Сибирь» каждый день звучали в домах варшавян, когда они собирались за вечерним чаем. Целая орда надсмотрщиков (полицейских, чиновников) хлынула из царской России — они должны были следить за поляками, запрещать в стране книги, газеты, кружки. Учителя, приехавшие следом за чиновниками, должны были отучать от родного языка. Одним словом, поработители были обязаны уничтожить исконную культуру народа и память о прошлом.

Сказалось это и на семье Скłodовских. Отца, выпускника Петербургского университета, ученого, профессора, отстранили вместе с другими коллегами-соотечественниками от преподавания на кафедре физики и химии после польского восстания 1863 года.

Когда Мария подросла, отец стал рассказывать ей об истории семьи и истории страны. И она поняла, почему ее отца лишили лаборатории и запретили заниматься наукой. Пан Владислав рассказывал детям о том, что их дедушка Юзеф, ученый-физик, в ноябре 1830 года вместе с соратниками сражался за свободу Польши, попал в плен и прошел

вместе с другими пленными сто сорок миль босиком — их конвоировали в лагерь. Он чудом остался жив, но до конца дней страдал от ревматизма.

Восстание 1863 года окончилось еще более трагически — повстанцы более полутора лет сражались с царской армией, но оружием были косы, дубинки и пики. Тысячи поляков погибли в боях и на каторге в Сибири. Более ста тысяч поляков навсегда покинули родную Польшу и осели в других странах, большей частью во Франции. В августе 1864 года руководителей восстания казнили. Их тела оставались на виселицах все лето — возле Александровской цитадели, что возвышалась над Варшавой и видна была с улицы Новолипской, где жили Скłodовские.

Через год после рождения Марии Владислава Скłodовского назначают младшим инспектором (профессора!) 2-й Варшавской мужской гимназии, и семья переезжает на казенную квартиру, находившуюся на улице Новолипки. Поэтому, а также и по семейным обстоятельствам пани Бронислава вынуждена отказаться от работы в пансионе. Здесь семья проживет почти двадцать лет.

Малышкой Маня была такой же, как ее брат и сестры, — веселой, проказливой, подвижной. Но была и более сообразительной, прилежной в занятиях. Она быстрее старших сестер научилась читать, сидела вечерами с книжкой в руках. Пан Владислав делал все, чтобы облегчить страдания супруги. Он отправляет ее с дочерью Зосей в Инсбрук, в Альпы, а потом в Ниццу. Тогда считали, что больные чахоткой лучше чувствуют себя в горах или в местах с повышенной влажностью. Когда Брониславе со старшей дочерью пришлось вдали от родных встречать Рождество, они взмолились: «Господи, пусть это будет последнее Рождество в разлуке с семьей!»

Но пани Брониславе лучше не становилось, она тосковала по дому, детям, мужу, беспокоилась о нем — ведь на его плечи легли все заботы: и домашние, и служебные.

Огромное влияние на духовное развитие и внутренний мир малышки Мани оказывало общение с природой, особенно во время летних каникул. У Скłodовских было много родственников в разных частях Польши, и поэтому, несмотря на скромные возможности, дети проводили каникулы в деревне — то в одном, то в другом уголке страны.

Дома у Склодовских, связанных с просвещенной средой и обучением юного поколения, царили благоприятные условия для развития молодого поколения.

Старший брат Марии Юзеф вспоминал, что отец следил за здоровьем и физическим развитием детей и их занятиями. Даже когда они играли, он старался, чтобы игры содержали элементы разных знаний. По детской комнате были разбросаны картонные фигурки самых разных форм — дети сами их раскрашивали, а потом, под руководством отца, составляли из них континенты, моря и океаны, города, реки и горы. Легко можно представить, как выглядела детская после таких уроков, к примеру географии.

Мария с раннего возраста проявляла большую любовь к чтению. Миром волшебных грез и загадок был для малышки Мани отцовский кабинет: здесь царили образцовый порядок и чистота.

И снова обратимся к рассказу Евы:

«Рабочий кабинет ее отца — самая красивая комната в квартире семьи Склодовских, во всяком случае самая интересная для Мани. Большой французский секретер красного дерева и кресла эпохи Реставрации, покрытые неизносимым красным бархатом, внушают ей почтение. Все эти вещи такие чистенькие, так блестят! Когда Манюша подрастет и пойдет в школу, ей отведут место за большим отцовским письменным столом, вокруг которого все дети усаживаются после обеда и готовят уроки к завтрашнему дню. В глубине кабинета на стене висит величественный портрет какого-то епископа в массивной золоченой раме, приписываемый, впрочем, только Склодовским, кисти Тициана, но Маню он не очень привлекает. Гораздо больше занимают ее часы на бюро — блестящие, пузатые, отделанные ярко-зеленым малахитом, а также столик, привезенный из Палермо в прошлом году ее двоюродным братом: верхняя плоскость столика служит шахматной доской, причем клетки сделаны из разноцветного мрамора с прожилками. На этажерке стоит саксонская чашка с изображением добродушной физиономии Людовика XVIII. Мане тысячу раз твердили, чтобы она даже не прикасалась к этой чашке, поэтому она старательно обходит этажерку и останавливается перед самыми дорогими и милыми ей вещами.

Это, во-первых, стенной барометр с позолоченными стрелками на белом циферблате. По определенным дням отец прилежно его чистит

и выверяет в присутствии детей.

Во-вторых, витрина, где на полках лежат какие-то удивительные изящные инструменты. Тут и стеклянные трубки, и весы, и образцы минералов, и даже электроскоп с золотым листком. В былое время учитель Склодовский носил эти предметы на свои занятия. Но с той поры, когда правительство распорядилось сократить количество уроков, отведенных на естественные науки, витрина заперта.

Маня не может представить, для чего нужны все эти так волнующие ее игрушки. Однажды днем, когда она разглядывала их, встав на цыпочки, отец сказал ей, что это фи-зи-чес-ки-е при-бо-ры. Смешное название!

Она запомнила его, так как никогда ничего не забывала, и, бывая в хорошем настроении, повторяла нараспев это потешное название».

Двойная жизнь

Мария учится легко и с удовольствием. Ее успехи радуют родителей. Вместе со старшей сестрой Элей Маню переводят в частную школу мадам Сикорской, находившуюся ближе к дому. Девочка поступает в класс, где учатся девочки на два года старше ее. У Мани замечательная память. Вот только один пример: как-то она забыла сделать домашнее задание — выучить наизусть большой отрывок из поэмы Шиллера «Кольцо Поликрата». Но за две десятиминутные переменки она без усилий выучила достаточно трудный немецкий текст!

И в этом же пансионе Мария вновь сталкивается с тем, что приходится вести двойную жизнь только для того, чтобы, говоря современным языком, не подставлять себя и своих близких. Конечно, это нехорошо, но такое поведение учило находчивости в трудные минуты, хладнокровию, спокойствию и умению противостоять жестоким обстоятельствам.

А все дело было в том, что в пансионе Сикорской вместе с дозволенными предметами преподавались и явно «недозволенные» (преподавались, конечно, нелегально) — польский язык и история Польши. Понятно, что это сурово преследовалось властями.

Бывало, что во время таких «незаконных» уроков вдруг заявлялись неожиданные контролеры. Инспекторы проверяли успехи учениц по любимым властями предметам (которые не имели ничего общего с настоящими знаниями и были просто политикой): к примеру, следовало привести родословную царствующего дома, а это не только имена и отчества членов царской семьи, но и их официальные титулы.

Правда, пани Сикорская нашла способ обманывать вездесущих русских инспекторов: она составляла «двойное расписание»: например, историю Польши назвала «ботаникой», а польская литература в расписании значилась как «немецкий язык». Неудивительно, что, когда инспектор частных пансионов города Варшавы господин Хорнберг приближался к классу (об этом предупреждал звонок швейцара), польские учебники и книги ученицы успевали спрятать под фартуки, а им на смену выложить на парты русские учебники.

Вот какую картинку нам рисует Ева Кюри в своем рассказе:

«Вдруг все вздрагивают, действительно как заговорщики: на лестничной площадке тихо застрекотал электрический звонок.

Два звонка длинных, два коротких.

Этот сигнал мгновенно приводит все в бурное, но молчаливое движение. Вскочив с места, Тупча наспех собирает разбросанные книги. Быстрые руки учениц сгребают польские тетради и учебники, запихивают их в фартуки самых проворных школьниц, а те, нагруженные запретным грузом, исчезают за дверью, которая ведет в спальню пансионеров. Бесшумно передвигаются стулья, осторожно закрываются крышки парт. Дверь широко открывается. На пороге классной комнаты появляется затянутый в красивую форму — синий с блестящими пуговицами сюртук и желтые штаны — господин Хорнберг, инспектор частных пансионов Варшавы: тучный человек, острижен по-немецки, лицо пухлое. Он молча всматривается в учениц сквозь очки в золотой оправе. Рядом с ним стоит, с виду безучастная, директриса пансиона мадемуазель Сикорская и тоже смотрит... но с какой затаенной тревогой! Сегодня оказалось так мало времени для подготовки. Швейцар едва успел дать условный звонок, как Хорнберг поднялся на площадку и вошел в класс. Боже мой, все ли в порядке?

Все в порядке. Двадцать девочек с наперстками на пальцах склонились над работой и вышивают букетики по квадратикам канвы. На партах только ножницы и катушки ниток. Тупча с красным от волнения лицом подчеркнуто кладет на кафедру книгу, напечатанную русским алфавитом.

— Два раза в неделю по одному часу дети учатся рукоделию, — деловито поясняет директриса.

Хорнберг подходит к учительнице.

— Вы им читали вслух. Какую книгу, мадемуазель?

— Басни Крылова. Мы начали только сегодня, — совершенно спокойно отвечает Тупча.

Ее щеки начинают приобретать нормальный цвет. Хорнберг небрежным жестом поднимает крышку ближайшей парты. Ни одной книги. Ни одной тетради.

Старательно закрепив стежки и воткнув иглу в материю, дети прерывают свое занятие. Они сидят скрестив руки, неподвижно, совершенно одинаковые в своих темных платьяцах с белыми

воротничками. Все двадцать детских лиц как-то сразу постарели и замкнулись, скрывая страх, ненависть и хитрость.

Господин Хорнберг сел на стул, подвинутый ему Тупальской.

— Будьте любезны вызвать какую-нибудь из ваших юных учениц.

Сидящая в третьем ряду Мария Скłodовская инстинктивно поворачивается напряженным личиком к окну. Про себя она возносит к небу тайную мольбу: ”Господи, сделай так, чтобы не меня! Только не меня!.. Только не меня!..”

Но она знает, что вызовут ее. Ее вызывают почти всегда, так как она самая знающая и хорошо говорит по-русски.

Услышав свою фамилию, девочка встает. Ее бросает в жар и в холод. Ужасное смущение сжимает ей гортань.

— Молитву, — произносит Хорнберг с выражением безразличия и скуки.

Равнодушным голосом Маня читает «Отче наш». Одним из самых унижительных мероприятий царского правительства являлось требование, чтобы польские дети каждый день читали свои католические молитвы, но обязательно на русском языке.

Под видом уважения к религиозным верованиям поляков царь этой мерой заставлял их же самих оскорблять то, что было для них священо.

Опять наступает тишина.

— Какие цари царствовали на нашей святой Руси со времени Екатерины II?

— Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, Александр II...

Инспектор доволен. У девочки хорошая память. А какое отличное произношение, точно она родилась в Петербурге.

— Перечисли состав и титулы императорской фамилии.

— Ее величество императрица, его высочество цесаревич Александр, его высочество великий князь...

По окончании длинного перечисления Хорнберг улыбнулся. Очень хорошо, даже отлично! Этот человек не видит или не хочет видеть, как встревожена ученица, как напряглось ее лицо от усилия скрыть чувство глубокого возмущения.

— Какой титул принадлежит царю в ряду почетных званий?

— «Величество».

— А мой?

— «Высокородие».

Инспектор с удовольствием разбирает эти иерархические оттенки, видимо, полагая их более важными, чем арифметика или грамматика. Наконец, уже просто для забавы, он спрашивает:

— А кто нами управляет?

Чтобы скрыть вспыхнувшие негодованием глаза, директриса и надзирательница старательно просматривают списки учениц. Не получив немедленного ответа, раздраженный инспектор повторяет свой вопрос:

— Кто нами управляет?

— Его величество Александр II, царь всея Руси, — с усилием отчеканивает Маня, побледнев.

Инспекторский смотр окончен. Царский чиновник встает со стула и, благосклонно кивнув головой, направляется в соседний класс. За ним следует директриса.

Тупча поднимает голову и говорит:

— Душенька моя, поди ко мне...

Маня подходит к учительнице; Тупча, не говоря ни слова, целует ее в лоб. Весь класс сразу оживляется, а польская девочка, измученная нервным напряжением, не выдерживает и заливается слезами...»

Это была суровая школа жизни. Да, девочка понимала необходимость такого поведения, но ей было очень непросто примириться с этой двойственностью, с необходимостью носить личину. Мария внутренне бунтовала против притворства и лжи, к которым поляков принуждали обстоятельства.

Но кроме общих для всех поляков бед и другие несчастья сыпались на семью Склодовских. На Ривьере пани Склодовской лучше не стало, и она возвращается в Варшаву еще более больная, чем уезжала.

Пан Владислав Склодовский втайне от администрации ведет семинары, на которых рассказывает слушателям о соотечественниках-ученых, сделавших крупнейшие открытия в самых разнообразных областях науки. Он много лет воюет с откровенным поляконенавистником и шовинистом, директором гимназии Троицким. Но в 1873 году директор одерживает победу, а Склодовского смещают с поста инспектора. Семья вынуждена освободить казенную квартиру в Новолипках.

Это был 1873 год. Склодовские снимают квартиру на перекрестке Новолипской и Кармелитской улиц. Чтобы свести концы с концами, они открывают у себя пансион для студентов из провинции. Сначала их пятеро, потом десять, а потом уже и двадцать. Дома становится шумно, и даже уроки учить толком негде. Маня спит в столовой на кушетке, встает в шесть утра, чтобы приготовить завтрак и накормить постояльцев.

К тому же Склодовский потерял все свои сбережения, 30 тысяч рублей, неудачно вложенные в строительство мельницы. Дочери остались без приданого, а дом — без копейки на черный день.

И тут семью настигает еще один, страшный удар. Один из пансионеров-гимназистов заболевает тифом. От него этой страшной болезнью заразились две дочери Склодовских — Бронислава и Зофья. В девятнадцатом веке в стране несколько раз свирепствовала эпидемия тифа. В прошлую эпидемию болезнь унесла десятки тысяч жизней. Через двенадцать дней борьбы со страшной болезнью Броня начала выздоравливать, а Зося, старшая дочь и настоящая помощница больной матери, умерла. Ей было четырнадцать. Броня была еще совсем слабой и не смогла проводить сестру в последний путь, она смотрела на похоронную процессию из окна. Младшая, Маня, шла вслед за гробом в длинном черном пальто своей старшей сестры.

Смерть дочери окончательно подкосила пани Склодовскую. 9 мая 1878 года к ней приходит священник исповедовать и соборовать ее. Бронислава прощается с мужем и детьми. Последнее слово, с которым она уходит из мира живых, было «Люблю!». Ей было всего сорок два...

В эти дни Мария ищет утешения в книгах. Она читает запоем, пытаясь отгородиться от окружающих бед, и это ей помогает пережить несчастья, которым, казалось, нет конца. Но в душе девушки назревает бунт: она отходит от веры в Бога, в традициях которой с малых лет ее воспитывали отец и мать.

Счастливым год

Со смертью матери семья не распалась, напротив, дети и отец стали еще ближе друг к другу. В трудных условиях младшие Скловские быстро выросли, брали на себя часть обязанностей. Юзеф оканчивает казенную гимназию с золотой медалью и поступает на медицинский факультет. Также с золотой медалью оканчивает школу сестра Марии Бронислава — и берет на себя заботы о доме и квартирантах.

Мария продолжает учиться в гимназии. Она сближается с дочерью директора библиотеки Замойских Касей Пшиборовской. И эта дружба сохранится на много лет — девушки будут переписываться, уже став совсем взрослыми. Сейчас Мария — лучшая ученица казенной гимназии.

Скловские снова переезжают — теперь с Кармелитской улицы в большой дом на улице Лешно, в квартиру на втором этаже. Балконы дома увивает дикий виноград, рядом — радующий зеленью сад. Квартира просторная, тут хватает места всем — и Скловским, и пансионерам. Улица Лешно расположена в «приличном» квартале — здесь прекрасные дома, напротив дома Скловских кальвинистская церковь, чуть дальше — Голубой дворец графов Замойских. Здесь, кстати, живет закадычная подружка Мани, Казя Пржиборовская.

Каждое утро Маня заходит за Казей. Вот как рассказывает об этом Ева:

«Маня заходит каждый день за Казей, и Казя ждет ее у входа в дом. Если Маня не застает ее на месте, она поворачивает тяжелое бронзовое кольцо в пасти льва и откидывает его на львиный нос, а затем идет своей дорогой к гимназии. По положению кольца Казя видит, что Маня уже заходила, и если Казя хочет ее догнать, то пусть идет скорее.

Казя — очаровательное существо. Это веселая, счастливая горожаночка, балованная любимица своих родителей. Муж и жена Пржиборовские балуют и Маню, обращаются с ней как с дочерью, чтобы девочка не чувствовала себя сиротой. Но целый ряд мелких признаков и в их одежде, и в наружности говорит о том, что одна из них — ухоженный ребенок, что каждое утро мать старательно расчесывает ей волосы и сама завязывает ленточки, а другая, четырнадцати с половиной лет, растет в семье, где некому заняться ею.

Взявшись за руки, девочки шествуют по узкой Жабьей улице. Со вчерашнего завтрака они не виделись, и, конечно, им нужно рассказать друг другу о множестве животрепещущих вещей, касающихся почти всецело их гимназии в Краковском предместье.

Переход из пансиона Сикорской, по духу совершенно польского, в казенную гимназию, где властвует дух русификации, — переход тяжелый, но необходимый: только казенные имперские гимназии выдают официальные аттестаты. Маня и Казя мстят за это принуждение всякими насмешками над гимназическими учителями, в особенности над ненавистной классной дамой мадемуазель Мейер».

Учеба в гимназии, расположенной в Краковском предместье, приносит Мане немало огорчений: от строптивой и гордой юной полячки учителя требуют беспрекословного повиновения. Классная дама, мадемуазель Мейер, невысокая пухлая женщина с напряженным подозрительным взглядом, постоянно делает Мане замечания: то локоны не такие, то взгляд свысока. Но тут уж ничего не поделать — ведь Маня просто ростом выше классной дамы.

Страдают и другие девушки-полячки. Правда, есть и обожаемые ими учителя-соотечественники. Все гимназистки просто влюблены в математика пана Гласса и учителя естествознания пана Слосарского.

Но наконец все школьные беды позади, 12 июня 1883 года Мане Скловской вручают золотую медаль — она оканчивает гимназию первой ученицей класса и лучшей выпускницей года. Ей было всего пятнадцать. К сожалению, о продолжении образования на родине не могло быть и речи. Но, прежде чем выбирать дорогу в жизни, ей предстоит целый год каникул в деревне! Девушке слишком много пришлось пережить — и теперь просто необходимо восстановить душевные силы.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ